

DOI: 10.31857/S086919080017755-7

МАЛОАЗИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ЗАКУБАНИЯ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

© 2021

Т.В. РЯБКОВА ^а^а – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-7441-2372; ryabkova-tatyana@mail.ru

Резюме: Предметы древневосточного и малоазийского производства в раннескифских памятниках – основа для разработок по хронологии скифской культуры периода архаики. Трудности в определении времени и места производства импортных вещей обусловлены их эклектичностью, связанной с формированием в VIII в. до н.э. особого художественного стиля, вобравшего в себя достижения искусства Малой Азии, Северной Сирии, Финикии, Ирана и Урарту. В Северном Причерноморье произведения этого эклектичного стиля появились в 660–640 гг. до н.э., причем большая их часть сосредоточена в памятниках Закубания (Келермес, Костромской курган, Семиколенный могильник).

В статье публикуются два связанных с Малой Азией предмета из собрания Государственного Эрмитажа. Один из них – венчик сосуда с вдавлением под крышку, происходящий из раскопанного Н.И. Веселовским Келермесского кургана I. Сосудов с подобной профилировкой в материалах памятников к северу от Кавказского хребта практически нет, однако они массово представлены в Гордионе и памятниках бассейна реки Кызылырмак в Восточной Фригии, что позволяет соотнести сосуд из Келермеса с малоазийским регионом.

Предмет из двух частей (шаровидный сосуд и подставка) с декором из фризов с изображениями сфинксов и петухов куплен в Майкопе в 1908 г. В 1909 г. при первоначальной публикации изображения сфинксов были определены как финикийский или малоазийский орнамент. Следы на дне сосуда и композиционное единство оформления доказывают, что обе части составляют одно целое и длительно использовались вместе. Судя по небольшим техническим отличиям и разнице в «почерке» торецтов, они изготовлены в одной мастерской, но разными мастерами. Изучение техники и привлечение широкого круга аналогий позволило связать предмет с ионийскими или лидийскими мастерскими и предположить, что он является моделью котла.

Ключевые слова: Малая Азия, Келермес, Майкоп, скифские памятники, сосуд с вдавлением под крышку, Иония, Лидия, торецтика, фризы, модель котла.

Для цитирования: Рябкова Т.В. Малоазийские предметы в раннескифских памятниках Закубания. Восток (Oriens). 2021. № 6. С. 90–101. DOI: 10.31857/S086919080017755-7

THE IMPORTS FROM ASIA MINOR IN THE EARLY SCYTHIAN
MONUMENTS IN THE KUBAN REGION OF THE NORTH CAUCASUS

© 2021

Tatyana V. RYABKOVA ^а^а – The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-7441-2372; ryabkova-tatyana@mail.ru

Abstract: *Artefacts from the Early Scythian mounds whose origins are linked with Near East are the most significant part of the finds because of dating and due to possibilities to synchronize Early Scythian culture with the Near Eastern civilizations.*

Difficulties in determining the time and place of production of imported items are due to their eclecticism. Significant policy changes connected with Assyrian practice of mass deportation in the 8th century B.C. led to the emergence multicultural workshops. New artistic style incorporated the achievements of the art of Asia Minor, Northern Syria, Phoenicia, Iran and Urartu.

The article is devoted to publication of the two items from Scythians monuments in the Kuban region. One of them – the part of the vessel's rim – is from the First Kelermes mound, excavated by N.I. Veselovsky. Its distinctive feature is the hatched rim for placing lid. Such vessels are unique in the North Caucasus's monuments, but wide spread in the Phrygia's tumulus and settlements. It means that Kelermes's fragment could be connected with Asia Minor.

The next one is the silver vessel on a stand decorated by the bands with sphinxes and cocks. It was bought in Maykop in 1908. Despite the slightly different style of decoration of the upper and lower parts they were used together and were made in the same workshop by two craftsmen.

The study of technology and a wide range of analogies allows to determine it as a model of cauldron which could have made in the Ionian or Lydian workshops.

Keywords: Asia Minor, Kelermes, Maykop, the Scythian mounds, hatched rim for placing lid, Ionia, Lydia, toreutics, bands of images, a model of cauldron.

For citation Ryabkova T.V. The Imports from Asia Minor in the Early Scythian Monuments in the Kuban Region of the North Caucasus. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 90–101. DOI: 10.31857/S086919080017755-7

Предметы импортного производства – одна из важнейших категорий археологических находок, позволяющих синхронизировать археологические комплексы с различных территорий и соотносить их с историей мировых цивилизаций. Кочевническое население Северного Причерноморья оставило о себе память в основном благодаря Геродоту (V в. до н.э.). Для более ранних периодов используются данные ассирийских источников, касающихся в основном политического взаимодействия кочевников с государствами Древнего Востока. События на далекой северной родине «гимири» и «ишкуза» по понятным причинам в этих источниках не отражались и могут быть реконструированы исключительно благодаря анализу археологических комплексов и импортных предметов в них. Именно вещи древневосточного производства из раннескифских памятников служат основой для разработок по хронологии скифской культуры периода архаики.

Изучение драгоценных предметов древневосточного производства из скифских памятников началось еще в XIX в. с началом систематических археологических исследований на юге России и продолжается до сих пор. Подробный анализ истории изучения предметов импортной тореутики приведен в работе В.А. Киселя «Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов» –самом полном на сегодняшний день исследовании драгоценных вещей периода скифской архаики [Кисель, 2003]. Исследование показало, что все импортные предметы можно разделить на 3 группы: 1) предметы ближневосточного производства, используемые кочевниками по их прямому назначению; 2) вещи нехарактерные для кочевников, но переделанные и приспособленные ими к своим запросам; 3) вещи, специально изготовленные ближневосточными мастерами для кочевников. И если в первых двух группах большую часть составляют изделия Ассирии и Урарту, то предметы, ориентированные на вкусы скифов, вышли из рук урартских, иранских и малоазийских

мастеров. Анализ стилистики вещей, изготовленных для кочевников, позволил автору прийти к выводу о заимствованиях большей их части из урартского, ассирийского и иранского искусства. Наименьшая часть может быть связана с сиро-финикийской и малоазийской (хеттской, ионийской) художественными школами. Само производство этих предметов представляется как совместная работа собранных «в скифскую мастерскую (мастерские?)» торов из Урарту, Ассирии, Ирана, а также какого-то малоазийского государства (Фригии? Лидии?)» [Кисель, 2003, с. 101–102]. Вероятно, ярко выраженная эклектичность этих вещей и сложность определения центра их производства могут быть объяснены не только работой многонациональной мастерской при скифской ставке, но скорее значительными культурными трансформациями, произошедшими из-за изменения политической ситуации в Малой Азии. Во второй половине VIII в. до н.э. ассирийская имперская политика массовой депортации, следовавшей за покорением новых территорий, приводила к перемещениям целых народов, включая ремесленников и мастеров, на огромные расстояния. В итоге разрушались и исчезали мастерские и производственные центры, которые прежде базировались на покоренных землях. Умения мастеров и художников из разных регионов находили применение при воплощении масштабных строительных проектов ассирийских владык и создании предметов роскоши для формирующейся поликультурной имперской элиты [Gunter, 2014, р. 251]. Так складывался эклектичный художественный стиль, вобравший в себя достижения искусства Малой Азии, Северной Сирии и Финикии, Ирана и Урарту.¹ Благодаря торговле, военным походам и дипломатическому обмену предметы этого стиля из царских центров Ассирии распространялись в разных направлениях, достигая Эгейского мира на западе и даже территорий за границами Ассирии на востоке.

ПРЕДМЕТЫ МАЛОАЗИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В Северном Причерноморье произведения такого эклектичного стиля появились, судя по всему, в 660–640 гг. до н.э.², причем большая их часть сосредоточена в памятниках Закубанья: Келермесском могильнике [Галанина, 1997], Костромском кургане [Кисель, 2003, с. 50], курганах Семиколенного могильника [Рябова, 2020]. К предметам из золота и серебра, связанным, по В.А. Киселю, с ремесленными центрами Малой Азии и, возможно Сирии, относятся диадемы из Мельгуновского и Келермесских курганов 1/Ш и 3/Ш, ритоны и зеркало с бортиком из Келермесского кургана 3/Ш³, бляха в виде оленя из Костромского кургана [Кисель, 2003, с. 50, 51, 55, 58, 66, 80, 93] (рис. 1). Наиболее значительная их группа обнаружена в 3-м кургане Келермеса, раскопанном Д.Г. Шульцем. Важно отметить, что серия прорезных шумящих наверший из этого же кургана тоже имеет признаки влияния малоазийской художественной традиции и отражает её взаимодействия со скифской культурой [Галанина, 1997, с. 162; Рябова, 2019, с. 333]. Кроме предметов малоазийского культурного круга, в кургане представлены и вещи, относящиеся к кругу ассирийским художественным изделиям. Сам курган из-за обилия вещей царского статуса демонстрирует необычайно высокое социальное положение погребенного [Рябова, 2019, с. 329–333].

¹ О формировании ирано-урартского изобразительного «койне» и его влиянии на искусство Ионии и скифского мира см.: [Ghirshman, 1964, р. 295–343].

² Весьма вероятно, что сооружение 3-го кургана Келермеса, раскопанного Д.Г. Шульцем, приходится на время оттока части или всех скифов на территории к северу от Кавказа, после того как упоминания о скифах – «иш-кузайя» исчезли из ассирийских источников [Алексеев, 2003, с. 282] (у Алексеева ошибочно – «шкуда»).

³ О проблеме соотношения зеркала из электра с курганами 3 или 4/Ш см.: [Галанина, 1997, с. 34–36].

Помимо этого хорошо известного факта, существуют и другие, которые позволяют предположить, что жители Закубанья и Малой Азии взаимодействовали друг с другом не только во время создания Келермесского кургана 3/Ш, но и ранее. Предметы из скифских памятников, относящиеся к кругу культур Древнего Востока, по мере накопления новых и переосмысления старых фактов могут быть со временем совершенно определенно соотнесены с какой-либо территорией, культурным кругом и политическими событиями, приведшими в итоге к попаданию предметов в эти памятники. Для анализа ситуации продуктивен подход, использованный М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским при анализе «скифского комплекса Зивие». Для него важна не столько «дата выпадения одного отдельного комплекса», сколько «общие хронологические рамки существования на определенной территории определенного культурно-исторического явления» [Погрелова, Раевский, 1992, с. 83]. В таком случае можно использовать единичные факты и отдельные предметы, даже лишенные археологического контекста, для характеристики культурно-исторической ситуации в Закубанье, *предшествовавшей* появлению в Причерноморье греческих колоний и массовому притоку греческого импорта.

СОСУД ИЗ КЕЛЕРМЕССКОГО КУРГАНА 1/В И МАЛОАЗИЙСКАЯ КЕРАМИКА

В погребальной камере 1-го Келермесского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским, у северной стенки были найдены обломки 4-х глиняных сосудов, один из которых имел блестящую черную поверхность и орнамент в виде геометрических узоров; поверхность другого была матовая, также с орнаментом, два остальных были грубой работы. Возражая Б.А. Фармаковскому, определившему эти сосуды как родосский и самосский из-за неясности описания, А.А. Иессен установил принадлежность фрагментов к местной чернолощеной керамике, украшенной резным орнаментом. Отметив невозможность восстановления формы сосуда, он предположил, что это могла быть корчага высотой около 50 см с небольшим по диаметру венчиком (12,8 см) [Иессен, Пиотровский, 1940, с. 37–38]. Л.К. Галанина подчеркнула, что «келермесская корчага отличается профилировкой венчика и необычным расположением врезного декора, покрывающего не только часть тулова, но и поверхность вокруг устья», и предположила, что кроме обломков корчаги, декорированной заштрихованными зигзагообразными поясами, есть еще фрагменты миски [Галанина, 1997, с. 144]. Анализ керамики из кургана 1/В, проведенный В.Е. Масловым, позволил установить, что в каталоге Л.К. Галаниной приведены фрагменты двух различных сосудов. Часть фрагментов относится к крупной чернолощеной корчаге с выпуклым плечиком и геометрическим врезным орнаментом в виде трех лент-зигзагов, заполненных штриховкой. С точки зрения исследователя, орнамент и включения ракушки в керамическое тесто сближают эту корчагу со связанной с керамическими традициями племен западного варианта кобанской культуры керамикой могильника Красное Знамя и памятников Ставропольской возвышенности, следовательно, можно считать, что эта корчага относится к числу импортов. Аналогий другому сосуду открытой формы, представленному краем с валиком, смоделированным для крышки и выполненным с использованием поворотного устройства, неизвестно [Маслов, 2012, с. 350–352].

Сложный вопрос о количестве и культурной принадлежности сосудов из Келермесского кургана 1/В, безусловно, требует отдельного исследования. Предварительно можно отметить, что многочисленные (более 150 шт.) черепки сосудов эрмитажной коллекции № 2737 условно разделяются на две группы: с врезным орнаментом в виде треугольников и заштрихованных зигзагообразных лент (рис. 2) и без орнамента. Фрагменты различны по

качеству лощения, на некоторых его вообще не заметно. Для петрографического анализа были отобраны фрагменты стенок с орнаментом и лощением, без орнамента, с орнаментом и без лощения.

Анализ показал, что все они изготовлены из одинаковой формовочной массы и обожжены при сходных условиях. Вся керамика тонкостенная (7–8 мм), рыхлая, с центральной частью коричневого цвета; внешняя поверхность черная, покрыта глиной и залощена, внутренняя – серая или черная. Изготовлена из тощих глин гидрослюдистого состава, в качестве отощителя использован шамот (дробленая керамика разного состава) и песок. Кратковременный обжиг был произведен при температуре 600–700° С в восстановительной невыдержанной среде⁴. Среди керамических материалов Тарасовой Балки⁵ – памятника периода скифской архаики – есть фрагменты, аналогичные по формовочной массе и условиям обжига. Впрочем, они тоже вполне могут оказаться привозными, так как отличаются по этим параметрам от основной массы керамики.

Фрагмент венчика с вдавлением под крышку (рис. 2, 1) отличается от остальных черепков качеством лощения и шириной линий гравированного орнамента. К сожалению, керамический состав этого фрагмента не был проанализирован, поэтому при определениях можно учитывать лишь форму венчика. В памятниках к северу от Кавказа сосуды с подобной профилировкой не встречаются [Маслов, 2012, с. 351]. Единственный сходный по профилировке фрагмент найден среди керамики нижнего слоя поселения Уллубаганалы 2 [Козенкова, 1989, с. 33; табл. XVI, 26] (рис. 3, 2). Важно отметить, что этот практически неизвестный к северу от Кавказского хребта прием оформления венчика сосудов типичен в материалах памятников Малой Азии начиная с раннего фригийского периода (The Early Phrygian period), датируемого 950–800 гг. до н.э. [Ökse, 2019, p. 165], а возможно, и еще раньше. Такой прием оформления венчика использовался для крупных тарных и столовых сосудов. Они представлены в материалах из Гордиона [Sams, 1994, fig. 34, 39, 40, 53, 54] (рис. 3, 5, 6), тумулусов Р и W [Young, 1981, fig. 21, a–c, f, j; 127, a] (рис. 3, 4). Даты тумулусов определяются около 700 г. до н.э. (тумулус Р) и конца IX в. до н.э. (тумулус W) [Young, 1981, p. 10, 199]. В Гордионе встречаются также сосуды с чернолощеной поверхностью и гравированным орнаментом в виде зигзагообразных полос (рис. 3, 3). Кратеры с вдавлением под крышку на венчике распространены в материалах поселений VIII–VII вв. до н.э. на восточных рубежах Фригии, в верхнем течении реки Кызылырмак [Ökse, 2019, p. 167, fig. 4].

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что келермесский сосуд имеет отношение к малоазийской традиции, однако механизм попадания подобной формы в кочевническую среду еще предстоит выяснить.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПРЕДМЕТ ИЗ МАЙКОПА – МОДЕЛЬ КОТЛА?

Еще один практически неизвестный предмет, своим происхождением предположительно связанный с малоазийским регионом, куплен в 1908 г. в Майкопе у частного лица. По данным, опубликованным в Отчете Императорской археологической комиссии (далее – ОАК), «наряду с другими предметами была приобретены серебряная чашечка на ножках, украшенная восточным, может быть, малоазиатским орнаментом с изображениями крыла-

⁴ Исследования керамических фрагментов производились в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica при увеличении в 65,7 раз. Все исследования выполнены М.А. Кузьковой.

⁵ Тарасова Балка – памятник эпохи раннего железного века в Закубанье, расположен в непосредственной близости от 1-го Разменного (Костромского) кургана [Рябкова, 2015].

того льва с головой человека и петушками» [*Отчет...*, 1912, с. 181]. Предмет опубликован в 1909 г. в альбоме «Восточное Серебро», изданном к 50-летию юбилею деятельности Археологической Комиссии. В этом издании приведены фотографии предмета до реставрации (рис. 4, 1), а также прорисовка изображений сфинксов и графическая реконструкция верхней его части (сосуда с изображениями), выполненные А. Макаренко (рис. 4, 2, 3, 7). Сам предмет был определен как «изделие с признаками финикийского происхождения», принадлежащее Ахеменидской Персии [Смирнов, 1909, с. 7], и в 1912 г. по отношению № 113 от 18 января передан из Археологической Комиссии в Эрмитаж, где вошел в коллекцию КУ 1908/2⁶. Вероятно, именно в Комиссии он был отреставрирован, поскольку в Инвентаре «КУ» одна из его частей описана как «сосуд шаровидный с резко отогнутым венчиком». В альбоме «Восточное серебро» фрагменты венчика сфотографированы отдельно [Смирнов, 1909, табл. СХІХ, 303]. Вторая часть, фигурирующая в Инвентаре как «крышка сосуда в виде усеченного конуса с 4-мя столбиками, приклепанными верхними концами к ромбической пластине» оказалась зарегистрирована под другим номером: похоже, комплектность предмета тогда была неочевидной или вызывала вопросы. С тех пор, несмотря на явную неординарность, предмет не привлекал исследовательского интереса на протяжении более чем 100 лет. Возможно, именно неординарность и, как следствие ее, отсутствие явных аналогий форме и декору стали причинами этого.

Описание предмета и техники изготовления

Предмет состоит из двух отдельных частей: миниатюрного сферического сосуда с высокой горловиной и отогнутым венчиком (рис. 4, 4), а также конической подставки с четырьмя ножками, приклепанными в верхней части к плоской базе-подставке под сосуд и в нижней – к полусферическому основанию с уплощенной вершиной (рис. 4, 5). Максимальный диаметр тулова сосуда равен диаметру венчика и составляет 5,5 см, что точно соответствует диаметру подставки. В центральной части сосуда – фриз из семи идущих вправо бородатых сфинксов, над ним по плечикам гирлянда из свисающих цветов лотоса и пальметок (рис. 4, 9, 10). Уплощенное дно декорировано изображением розетки с одиннадцатью лепестками, между которыми помещены стебли и цветы лотоса (?) (рис. 4, 7). На дне заметны вмятины и царапины от верхней плоской части подставки, точно подходящей к нему, что явно свидетельствует о длительном совместном использовании обеих частей. Полусферическая часть подставки украшена фризом из семи петухов влево (рис. 4, 5, 8).

Сферический корпус сосуда изготовлен в технике выколотки, изображения сфинксов нанесены чеканкой. Каждое изображение немного отличается от других: заметно, что мастер работал без предварительной разметки, т.к. схема была ему хорошо знакома. Крошечные изображения отличаются изяществом, некоторая небрежность в нанесении рисунка заметна лишь при значительном увеличении (рис. 4, 9, 10). Подставка изготовлена следующим образом: предварительно на плоской серебряной пластине была размечена окружность (сохранилась точка от циркуля), при помощи ковки вырезанному ножом кружку была предана полусферическая форма. Отдельно был раскован небольшой слиток для верхней части подставки, к нему приклепали ножки-лучи, впоследствии согнутые и приклепанные к полусферической базе с петухами. Изображения петухов нанесены по предварительной разметке чеканом, размер рабочей части которого был больше, чем у того, которым чеканили сфинксов.⁷ Изображения петухов более однообразны и стилистически заметно отличаются

⁶ Коллекция КУ 1908/2 была перешифрована в коллекцию 2511, ныне составные части предмета имеют номера 2511–11, 12.

⁷ Все технико-технологические определения выполнены к.и.н. Е.А. Шаблавиной, которой я выражаю искреннюю признательность.

от сфинксов (рис. 4, 8). Кроме того, стенки подставки значительно массивнее стенок сосуда, а изображения сфинксов выполнены не только более тонким инструментом, но и сама работа более деликатная – изображения петухов выглядят резче и грубее. В довершение ко всему, части сделаны из металла несколько разного качества: сосуд из серебра 990-й пробы, а подставка – 980-й. Все это, вкупе с «темным» происхождением предмета, дает основания для сомнений в его комплектности и одновременности изготовления частей.

Не претендуя на окончательное решение всех вопросов, связанных с этим серебряным предметом, хотелось бы обратить внимание на факты, позволяющие, как представляется, развеять сомнения в его комплектности и прояснить время и место его производства, а так же предположить назначение и причину появления на антикварном рынке Майкопа.

Принадлежность предмета, особенно его верхней части, к малоазийской художественной традиции сомнений не вызывала никогда: уже в 1909 г. изображения «крылатого льва с головой человека» были определены как финикийский [Смирнов, 1909, с. 7] или малоазиатский [Отчет..., 1912, с. 188] орнамент. Но если это действительно произведение малоазийского круга, то к какой именно художественной традиции надо его относить: к сиро-финикийской, сиро-хеттской, фригийской или ионийской? Ответ на вопрос можно получить, сравнив воплощения образа сфинкса в каждой из этих художественных традиций.

Декор предмета: сфинксы и петухи в противоположном движении

Многочисленные утраты металла сферического сосуда из Эрмитажа не позволяют детально рассмотреть каждое изображение, однако недостающее можно реконструировать даже по сохранившимся фрагментам. Все сфинксы представлены в профиль, приподнятая передняя и отведенная задняя лапы создают ощущение медленной ритмичной поступи, подчеркнутой отведенным назад хвостом с кисточкой на конце. У всех массивный прямой нос, у четырех видна клиновидная борода, у некоторых на голове некое подобие повязки. Завитки волос на головах и перья в плечевой части крыльев переданы вдавлениями, нанесенными округлым в сечении инструментом с плоским концом. Процессия из семи сфинксов размеренно движется слева направо, горизонтальная линия под лапами монстров придает всей композиции некий реализм – они движутся по поверхности (рис. 4, 10).

Нижняя часть подставки предмета с изображениями петухов отлично сохранилась: лишь у одного утрачен клюв, на который попала клепка (рис. 4, 8). Так же как и у сфинксов, их туловища переданы в профиль, но видны обе лапы с опущенными когтистыми пальцами. У каждого – большой гребень и «грива», переходящая в маховые перья крыла. Мелкие перья в плечевой части крыльев переданы вдавлениями от ударов круглого пуансона, крупные перья опущенного хвоста и маховые перья крыльев подчеркнуты горизонтальными параллельными линиями (рис. 4, 8). Петухи выглядят гораздо более единообразно, нежели сфинксы. Несмотря на аналогичные приемы и инструменты, отличающиеся лишь размерами, а также мастерство торева, предварительно разметившего каждую фигуру, изображения петухов статичны: они кажутся не идущими, а подвешенными.

Тем не менее очевидно, что обе части предмета составляют одно целое и длительно использовались вместе. Это подтверждается не только следами на дне сосуда, но и единством оформления обеих частей. Изображения составляют композицию из двух фризов, в каждом из которых по семь фигур, двигающихся в противоположные стороны. Небольшие технические отличия и разница художественного почерка торева свидетельствуют о том, что части предмета изготовили разные мастера. Возможно, это следствие починки или переделки предмета, и тогда между частями может быть какой-то хронологический разрыв, либо над его созданием трудились разные мастера, работавшие в одной мастерской.

Образ сфинкса в древневосточном искусстве: композиционные решения

Практически всех фантастические создания в искусстве Греции раннего железного века заимствованы из культур Древнего Востока. Особенно это касается грифонов и сфинксов – самых впечатляющих монстров Греции. Крылатый сфинкс с телом льва и лицом человека был порожден египетской культурой: фараон часто изображался в виде попирающего врагов сфинкса [Hermann, 2017, fig. 81–82]. Распространившись на Древнем Востоке, сфинксы перестали ассоциироваться с фараоном и крайне редко появлялись в сценах сражений. Напротив, в искусстве Ассирии, Урарту, Финикии, сиро-хеттских государств они чаще всего фигурируют как хранителей важных ритуалов, древа жизни, царей и дворцов [Graff, 2014, p. 266–267]. Иконография зависела от региональных особенностей и местных традиций, но наиболее распространены композиции предстояния у древа жизни (рис. 5, 2–4) или антитетичные композиции (рис. 5, 6–7), тоже являющиеся вариантом иконографической темы «предстояния», впоследствии вошедшей в репертуар искусства ионийских греков. Композиции из фризов шествующих животных, фантастических созданий и военных процессов издавна существовали в искусстве Древнего Востока. Ими украшены, например, урартские щиты и колчаны, финикийские парадные блюда и т.д. Известны были и композиции, сочетавшие в себе элементы процессии и обособленного изображения (рис. 5, 5). В искусстве Греции изображения процессов появились уже в эпоху геометрического стиля [Boardman, 2011, p. 79] (рис. 6, 1, 4), широко распространились на ранних этапах эпохи ориентализирующего стиля (рис. 6, 2, 3, 5, 7) и продолжали бытовать в более позднее время (рис. 6, 6, 9)⁸. Важно отметить, что, появившись в эпоху геометрического стиля, (рис. 6, 4) фризы с изображением движущихся в противоположные стороны процессов бытовали лишь на протяжении ранних этапов ориентализирующего стиля (рис. 6, 3). Позднее идея противоположенного движения по каким-то причинам потеряла свою актуальность: распространились изображения процессов, движущихся в одном направлении (рис. 6, 7).

Таким образом, предмет из Эрмитажа декорирован в соответствии с архаичным каноном построения композиции.

Сфинксы: особенности внешности

Сфинксы эрмитажного сосуда изображены бородатыми (рис. 5, 1), что отличает их от безбородых монстров большей части культур Древнего Востока: Египта, Финикии, Сирии, сиро-хеттских царств, Фригии и Урарту (рис. 5, 2–6). Именно такие, безбородые изображения были заимствованы античной традицией еще в VIII в. до н.э. (рис. 6, 1) и широко распространились в ней позднее (рис. 6, 9). Важно отметить, что фантастические существа ассирийской и иранской традиции IX–VIII вв. до н.э.⁹ часто изображались с густой окладистой бородой (рис. 5, 7, 8). Неестественно длинные подбородки фантастических существ, выгравированных на бронзовых ножах из музея в Карсе, также, очевидно, передают остроконечные бороды (рис. 5, 9) [Бессонова и др., 2018, с. 235]. Типично переднеазиатская зооморфная композиция появилась на паре кочевнических бронзовых ножей где-то около середины VII в. до н.э. в районе Армянского нагорья [Бессонова и др., 2018, с. 255–256].

На ранних этапах эпохи ориентализирующего стиля в вазописи Аттики и Коринфа часто встречаются изображения бородатых фантастических существ (рис. 6, 2, 5, 7, 8), почти полностью исчезающие впоследствии. Изображения сфинксов на верхней части предмета из Эрмитажа имеют наибольшее сходство с изображениями на крышке хиосского сосуда

⁸ В декоре чернофигурной клазоменской гидрии 3-ей четверти VI в. до н.э. из собрания ГМИИ (рис. 6, 6) в верхнем фризе изображены фантастические существа, а в нижнем – петуки. Это напоминает композицию эрмитажного сосуда.

⁹ Даты по: [Muscarella, 1988, p. 252; Maxboubian, 1997, p. 107].

из Навкратиса: заметно сходство в передаче крыльев, глаз, лап, хвостов (рис. 6, 7; 7, 2). У сфинксов эрмитажного сосуда, так же как и у сфинксов на саркофаге из Клазомен в археологическом музее Измира, мелкие перья плечевой части крыла переданы точечными углублениями (рис. 7, 4). У сфинксов на сосуде из Вани горизонтальными штрихами покрыто не только крыло, но и туловище – вероятно, они изображают шерсть (рис. 7, 3).

Таким образом, бородатые сфинксы на предмете из Эрмитажа имеет ряд архаичных признаков, в большей степени присущих позднему геометрическому и раннему ориентализирующему стилям.

Серебряный арибалл из Вани: поиск аналогий форме предмета из Эрмитажа

По форме, материалу и системе декора сосуду из Эрмитажа наиболее близок серебряный арибалл из городища Вани, обнаруженный в 1969 г. в погребении 11 (рис. 8, 2), которое датируется в рамках второй четверти V в. до н.э. [Лордкипанидзе, 1972, с. 275], а «позднеархаический по стилю» арибалл – 500 г. до н.э. [Boardman, 2011, p. 25]). Как и эрмитажный экземпляр, он имеет сферическое тулово, в средней части которого выгравирована процессия сфинксов, идущих вправо с поднятой вверх правой рукой (поднятая вверх конечность имеет вид человеческой руки с пальцами, что необычно для греческих изображений сфинкса). Сверху и снизу процессия ограничена длинными лепестками розеток и пальметками между ними. Предпринятый М.Ю. Трейстером анализ арибалла из Вани и похожих сосудов¹⁰ позволил ему прийти к выводу о сильном анатолийском влиянии, выразившемся в распространении форм сосудов с округлым дном и декоративных схем со сфинксами. Исследователь согласился с Дж. Бордманом, который подчеркивал анатолийско-греческий стиль ювелирных украшений и предметов торевтики из Вани, а также предполагал, что они могли быть изготовлены странствующими мастерами из Малой Азии [Treister, 2007, p. 101].

Кроме арибалла из Вани значительное сходство по форме с верхней частью предмета (сосудом) из Эрмитажа обнаруживают бронзовые сосуды со сферическим туловом, высокой горловиной и отогнутым венчиком из коллекции музея Метрополитен [Muscarella, 1988, cat. 348–350]. Два из них не орнаментированы, декор третьего расположен, как и у эрмитажного сосуда, в самой широкой части тулова: процессия длиннохвостых петухов движется вправо, сверху и снизу фриз ограничен горизонтальными линиями (рис. 8, 4). Фриз весьма близок изображению на подставке предмета из Эрмитажа (ср. рис. 8, 1). Сосуды подобного типа происходят из раскопок в Иране, Месопотамии и на острове Самос. По мнению О. Мускареллы, такие сосуды производились в Иране (Луристане или Эламе) в конце VIII–VII вв. до н.э. [Muscarella, 1988, p. 261].

Интересно, что петухи долгое время назывались в Греции «персидской птицей». В конце VIII в. до н.э. петухи и куры появляются в греческом искусстве, равно как и на сельских подворьях Древней Греции [Boardman, 2011, p. 78]. Среди коринфских алабастров, датирующихся в рамках раннего коринфского периода (620–610 гг. до н.э.), значительно количество сосудов с изображением петухов. Считается, что столь частое повторение сюжета связано как с назначением алабастра (парфюмерный сосуд), так и с символикой образа самого петуха (атрибут Эроса, живая птица могла служить любовным подарком) [Букина и др., 2015, с. 58]. Изображения петухов были распространены в вазописи Восточной Греции периода архаики (рис. 6, 6). Пожалуй, наибольшее сходство с изображениями петухов на подставке эрмитажного предмета (рис. 7, 5) имеют изображения на серебряных сосудах из Восточной Греции (рис. 7, 6, 8). Геральдическая пара петухов на серебряном алабастроне из Ушака (Uşak), датирующегося VI в. до н.э., находится в верхнем фризе [Özgen, 1996,

¹⁰ Точных аналогий сосуду из Вани М.Ю. Трейстера не обнаружил [Treister, 2007, p. 73].

cat. 78]. Изображения имеют некое сходство в передаче коротких и маховых перьев крыла, но все же значительно отличаются (рис. 7, 6).

Гораздо больше сходства изображения петухов на подставке эрмитажного предмета обнаруживают со скульптурным изображением, венчающим серебряную курильницу из Восточной Греции VI в. до н.э. У него, точно так же как и у эрмитажных изображений, видна только одна нога, заостренное и опущенное вниз крыло, свисающий вниз хвост (рис. 7, 8). Сама курильница состоит из двух частей: ребристого конуса с отверстиями и высокой полой конической подставки с остатками цепочки для подвешивания (рис. 8, 5). Форма этого сугубо малоазийского культового предмета, неизвестного на территории Греции, ассоциируется с формой бронзовых котлов на подставках в виде конуса, часто декорированных фигурами фантастических существ (рис. 8, 7). Такие котлы с атташами в виде протом сфинксов, сирен или быков и с подставками в виде конусов или треножников известны среди даров, посвященных малоазийскими властителями в греческие святилища в Дельфах, Олимпии, на Самосе. Значительное количество подобных котлов разного размера обнаружено в царских фригийских гробницах Гордиона. Так, в тумулусе ММ были найдены маленькие котлы (диаметр по венчику 15–17 см), парами подвешенные за ручки к стенке сруба [Young, 1981, p. 110] (рис. 8, 6). Малоазийские котлы с литыми атташами дополнительно украшались в Греции коваными скульптурными изображениями грифонов [Boardman, 2011, p. 67], образующими своего рода фриз в верхней части котла (рис. 8, 7). В Ионии, Этрурии и на Крите сферические сосуды на подставке делали из глины [Boardman, 2011, fig. 30], (рис. 8, 3). Все эти предметы; кроме двухчастной конструкции объединяет еще и система декора, в которой присутствуют либо сфинксы, либо петухи, либо те и другие вместе.

Назначение предмета из Эрмитажа, его название и дата

Таким образом, сферический сосуд с подставкой из Эрмитажа органично вписывается в ряд металлических сосудов, в начале которого, вероятно, сосуды иранского и фригийского производства (рис. 8, 4, 6), а в конце – курильница с лидийской надписью и арибалл из Вани (рис. 8, 2, 5). Как установлено Дж. Бордманом и М.Ю. Трейстером, форма и декор в виде сфинксов свидетельствуют в пользу производства подобных сосудов в малоазийском регионе. Двучастный предмет из Эрмитажа больше всего напоминает миниатюрный котел на подставке, подобный тем, что обнаружены в святилищах Греции. Можно предположить, что он и был моделью большого котла, которую посвятили в какой-либо храм, и в таком случае можно назвать предмет *моделью котла*.

Точная датировка предмета невозможна без технологической экспертизы и является задачей будущих исследований. Судя по архаичным, восходящим к традициям эпохи раннего ориентализирующего стиля, чертам изображений, он, видимо, был создан значительно раньше арибалла из Вани и курильницы из музея Метрополитен, датирующихся VI – первой четвертью V в. до н.э. Вероятно, его следует отнести к концу VII – началу VI в. до н.э.

Отвечая на вопрос о причинах появления этой модели котла на антикварном рынке Майкопа, можно предположить, что она происходит из какого-то разрушенного неподалеку погребения архаического скифского времени и могла быть частью военной добычи из какого-то храма, разграбленного во время переднеазиатских походов.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Алексеев А.Ю. *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003 [Alekseev A.Yu. *The Chronography of European Scythia of the 7th – 4th Centuries BC.* St. Petersburg: Hermitage Publishing House, 2003 (in Russian)].
- Алексеев А.Ю. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 [Alekseev A.Yu. *The Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2012 (in Russian)].
- Бессонова С.С., Бруяко И.В., Алп Н. Пара бронзовых ножей из музея г. Карс. *Stratum plus.* 2018. № 3. С. 221–264 [Bessonova S.S., Bruyako I.V., Alp N.A. Pair of Bronze Knives from the Museum of Kars. *Stratum plus.* 2018. No. 3. Pp. 221–264 (in Russian)].
- Букина А.Г. *Круговращение колеса гончарного. Ранние греческие расписные вазы.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005 [Bukina A.G. *The Rotation of the Potter's Wheel. Early Greek painted Vases.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2005 (in Russian)].
- Букина А.Г., Петракова А.Е., Алексинский Д.П. *Коринфские вазы и их античные имитации. Каталог коллекции.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015 [Bukina A., Petrakova A., Aleksinsky D. *Corinthian Vases and Their Antique Imitations. Catalogue of the Collection.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2015 (in Russian)].
- Галанина Л.К. *Келермесские курганы.* М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. 1997: *Kelermess Mounds.* Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian)].
- Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. *Моздокский могильник.* Л.: [б. и.], 1940 [Iessen A.A., Piotrovsky B.B. *Mozdok Burial Ground.* Leningrad: [s.n.], 1940 (in Russian)].
- Кисель В.А. *Шедевры ювелиров Древнего Востока.* СПб: Востоковедение, 2003 [Kisel V.A. *The Masterpieces of the Ancient Near Eastern Jewelers.* St. Petersburg: Vostokovedenie publ., 2003 (in Russian)].
- Козенкова В.И. *Кобанская культура: Западный вариант. Свод археологических источников.* Вып. 3. В2–6. М.: Наука, 1989 [Kozenkova V.I. *Koban Culture: Western Version. Collection of Archaeological Sources.* Vol. 3. В2–6. Moscow: Nauka, 1989].
- Лордкипанидзе О.Д. (ред). *Ванское городище Вани I. Археологические исследования 1947–1969 гг.* (на грузинском яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1972 [Lordkipanidze O.D. (ed.) *The Van Settlement of Vani I. Archaeological Research 1947–1969.* Tbilisi: Metsniereba, 1972 (in Georgian)].
- Маслов В.Е. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта. *Российский археологический ежегодник.* № 2. 2012. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 342–359. [Maslov V.E. To the Chronology of the Kelermes Horizon Antiquities. *Russian Archaeological Yearbook.* No. 2. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2012. Pp. 342–359 (in Russian)].
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г.* СПб.: Типография главного управления уделов, 1912 г. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908. St. Petersburg: Tipografiia glavnogo upravleniia udelov, 1912 (in Russian)].
- Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Ранние скифы и Древний Восток.* М.: Наука, 1992 [Pogrebova M.N., Rayevsky D.S. *The Early Scythians and the Ancient Near East.* Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].
- Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (Предварительная публикация). *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа.* Вып. 77. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 359–373 [Ryabkova T.V. Tarasova Balka – a Monument of the Early Iron Age in the Trans-Kuban Region (Preliminary Publication). *Archeology without Borders: Collections, Problems, Research, Hypotheses. Works of the State Hermitage Museum.* Iss. 77. St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2015. Pp. 359–373 (in Russian)].
- Рябкова Т.В. Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье. *Stratum plus.* 2019. № 3 С. 319–338 [Ryabkova T.V. The Formation of the Early Scythian Cultural Complex of the Kelermes Burial Ground in Trans-Kuban. *Stratum plus.* 2019. No 3. Pp. 319–338 (in Russian)].

Рябкова Т.В. О комплексе одного из Семиколенных курганов в собрании Эрмитажа. Археологические Вести. 2020. № 26. С. 272–282 [Ryabkova T.V. Assemblage from One of the Semikolennye Kurgans in the Collection of the State Hermitage Museum. *Archaeological News*. 2020. № 26. Pp. 272–282 (in Russian)].

Смирнов А.Я. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи*. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909 [Smirnov A.Ya. *Eastern Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Ware of Oriental Origin, Found Mainly Within the Russian Empire*. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1909 (in Russian)].

Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age. Eds. J. Aruz, S.B. Graff, Y. Rakic. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2015.

Boardman J. *Early Greek Vase Painting: 11th–6th Centuries BC*. London: Thames & Hudson, 1998.

Boardman J. *The Greeks Overseas. The Early Colonies and Trade*. 4th ed. London: Thames & Hudson, 2011.

Cevizoglu H. A Painted Relief Stand from Clazomenae: General Characteristics and Individual Style. *Archaic and Classical Western Anatolia: New Perspectives in Ceramic Studies*. Ed. G. Tsatschlidze. Leuven: Peeters, 2018. Pp. 21–41.

Ghirshman R. *The Art of Ancient Iran*. New York: Golden Press, 1964.

Graff S.B. Demons, Monsters and Magic. *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. Ed. J. Aruz. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2014. Pp. 263–272.

Gunter A.C. Beyond «Orientalizing»: Encounter among Cultures in the Eastern Mediterranean. *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. Ed. J. Aruz. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2014. Pp. 248–255.

Hermann G. *Ancient Ivory. Masterpieces of the Assyrian Empire*. London: Thames & Hudson, 2017.

Maxboubian H. *Art of Ancient Iran. Copper and Bronze. The Houshang Maxboubian Family Collection*. London: Philip Wilson Publishers, 1997.

Muscarella O.W. *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 1988.

Özgen I. *The Lydian Treasure Heritage Recovered*. Ankara: Republic of Turkey Ministry of Culture General Directorate of Monuments and Museums, 1996.

Sams G.K. The Early Phrygian Pottery. *The Gordion Excavations Final Reports*. 4. University Museum Monograph 79. Philadelphia, 1994.

The Metropolitan Museum of Art. Greece and Rome. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 1987.

Treister M.Yu. The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC Lokal Traditions, Outside Influences, Innovations. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2007. No. 13. Pp. 67–106.

Ökse T.A. The Eastern Border of Phrygia. *Phrygia in Antiquity: from the Bronze Age to the Byzantine Period*. Ed. G. Tsatschlidze. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2019. Pp. 161–188.

Vanden Berghe L., De Meyer L. *Urartu, een vergeten cultuur uit het bergland Armenie*. Gent: Centrum voor kunst en Cultuur, 1982.

Winter I.J. Carchemish *ša kišad puratti*. *Anatolian Studies*. 1983. Vol. XXXIII. Pp. 177–197.

Young R.S. *Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations Final Reports*. 1. University Museum Monograph 43. Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1981. Pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЯБКОВА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, хранитель скифских коллекций Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, СПб., Россия.

Tatyana V. RYABKOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, curator of Scythian collections in the department of archaeology of Eastern Europe and Siberia in the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

Иллюстрации к статье Т.В. Рябковой

Рис. 1. Предметы малоазийского производства из скифских курганов.

1 – Келермес, курган 3/Ш [Алексеев, 2012, с. 102]; 2 – Келермес, курган 3 или 4/Ш [Алексеев, 2012, с. 108]; 3 – Келермес, курган 1/Ш [Алексеев, 2012, с. 92]; 4 – Келермес, курган 3/Ш ГЭ [фото Т.В. Рябковой]; 5 – Келермес, курган 3/Ш [Галанина, 1997, taf. 37]; 6 – Мельгуновский курган [Алексеев, 2012, с. 114]; 7 – Костромской (1-й Разменный) курган [Алексеев, 2012, с. 64]

Масштаб изображений произвольный

Fig 1. Items of Asia Minor production from Scythian mound.

1 – Kelermes, mound 3Shc [Alekseev, 2012, p. 102]; 2 – Kelermes, mound 3 or 4/W [Alekseev, 2012, p. 108]; 3 – Kelermes, mound 1/W [Alekseev, 2012, p. 92]; 4 – Kelermes, mound 3/W [photo by T.V. Ryabkova]; 5 – Kelermes, mound 3/W [Galanina, 1997, taf. 37]; 6 – Melgunovsky mound [Alekseev, 2012, p. 114]; 7 – Kostromskoy (1 Razmenny) mound [Alekseev, 2012, p. 64].

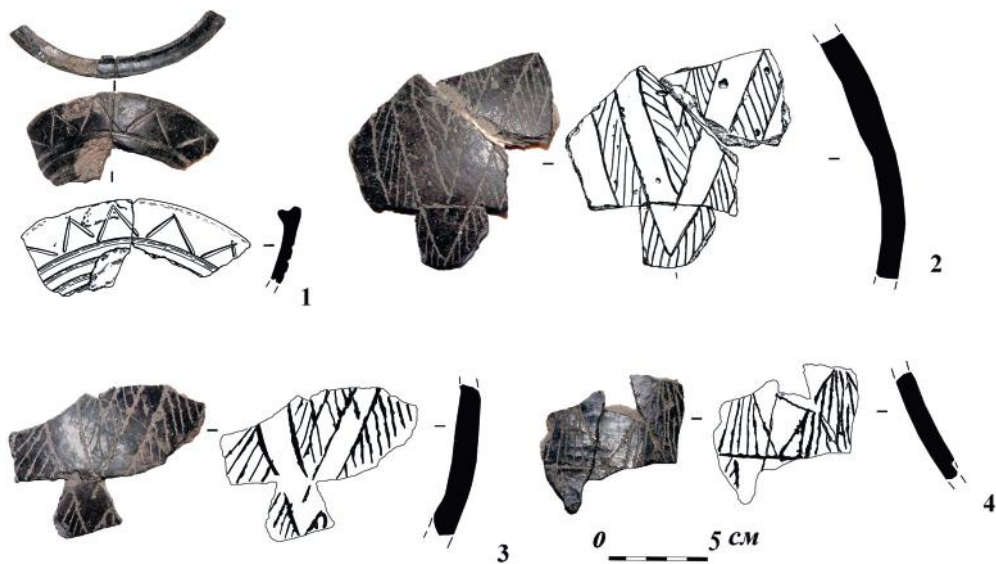

Рис. 2. Фрагменты чернolощеной керамики. Келермес, курган 1/В. ГЭ, инв. № 2727/1.
 [Фото Т.В. Рябковой].

Fig. 2. Fragments of black-flattened ceramics. Kelermes, mound 1/V. The State Hermitage Museum, inv. nr. 2727/1 [photo by T. V. Ryabkova].

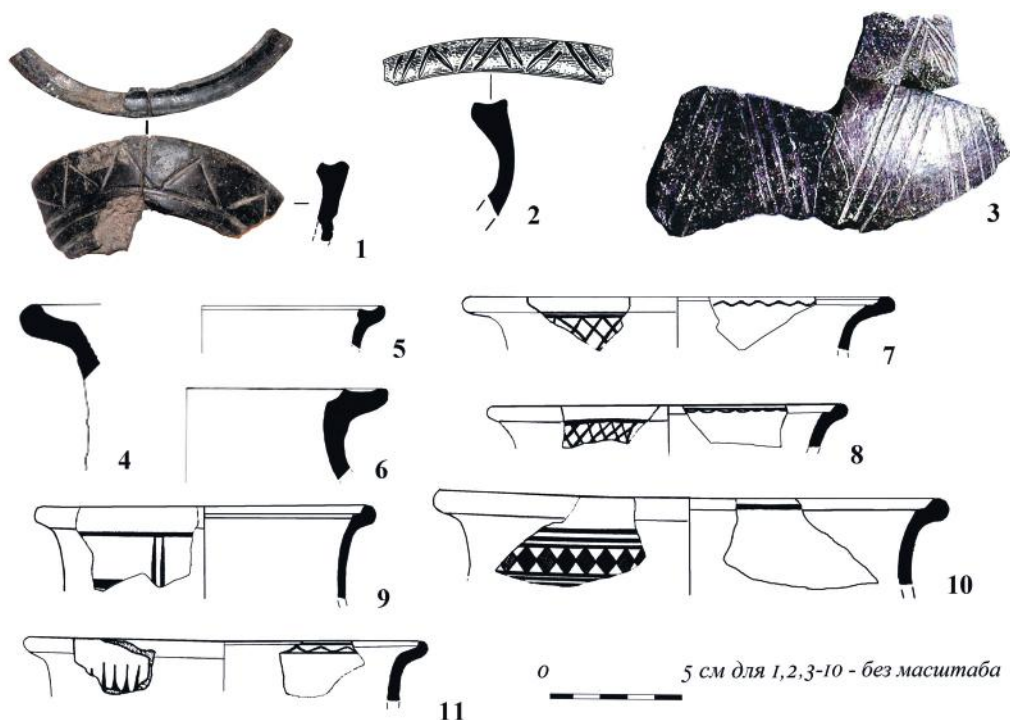

Рис. 3. Сосуды с вдавлением под крышку на венчике.

1 – Келермес, курган 1/В. ГЭ, инв. № 2737/1; 2 – Уллубаганалы 2, нижний слой [Козенкова, 1989, табл. XVI,26]; 3 – Гордион [Sams, 1994, Color Plate I, 227]; 4 – Гордион, тумулус W [Young, 1981, fig. 127, A]; 5, 6 – Гордион, Terrace Fill [Sams, 1994, fig. 54, 338, 341]; 7–11 – Фригия, регион Кызылырмак [Ökse, 2019, fig. 4].

Fig. 3. Vessels with a recess for the lid on the rim.

1 – Kelermes, mound 1/V. The State Hermitage Museum, inv. nr. 2727/1 [photo by T.V. Ryabkova]; 2 – Ullubaganaly 2, the lower layer [Kozenkova, 1989, Table XVI, 26]; 3 – Gordion [Sams 1994, Color Plate I, 227]; 4 – Gordion, tumulus W [Young, 1981, fig. 127, A]; 5, 6 – Gordion, Terrace Fill [Sams, 1994, fig. 54, 338, 341]; 7–11 – Phrygia, Kyzyl-Irmak region [Ökse 2019, fig. 4].

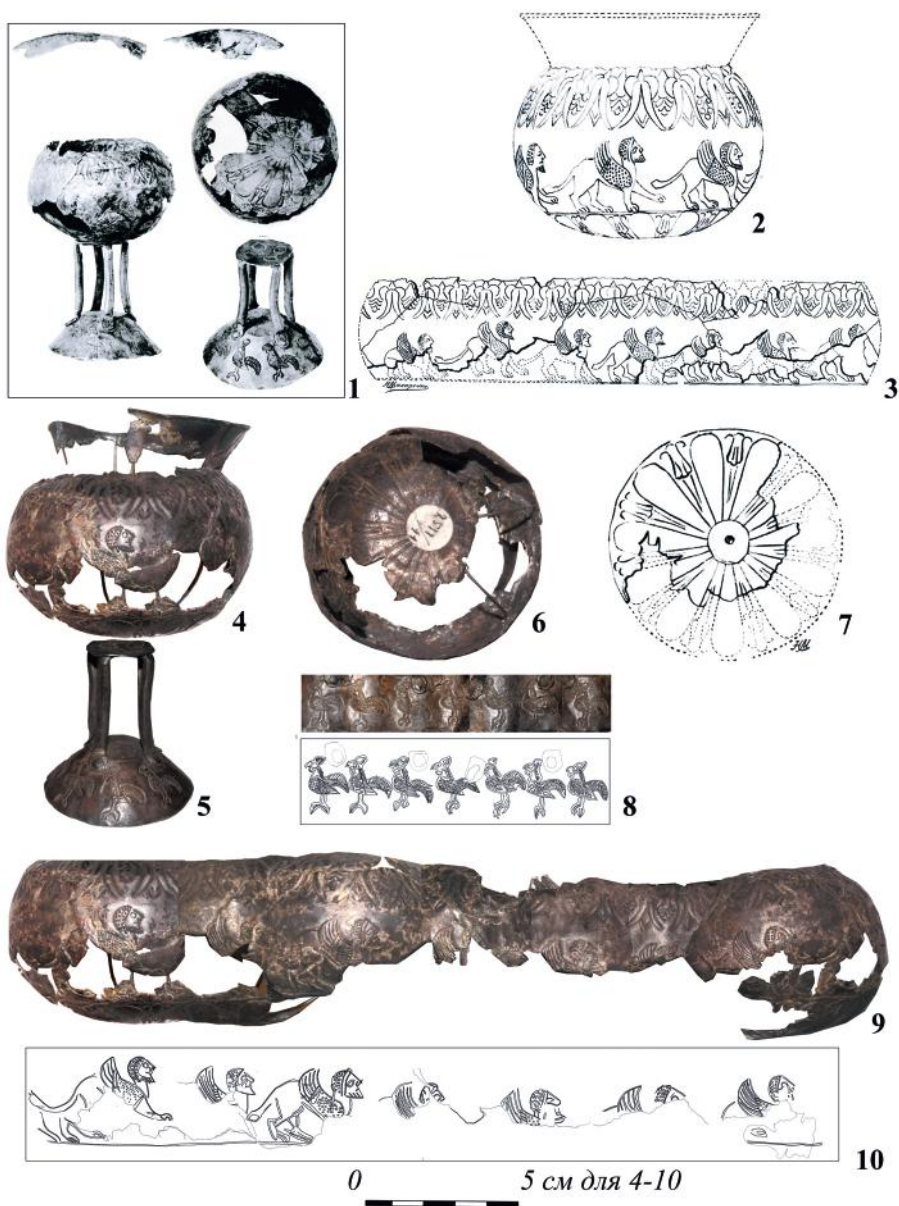

Рис. 4. Серебряный сосуд с подставкой из Майкопа. ГЭ, инв. № 2511/11.

1–3, 7 – фото до реконструкции, графическая реконструкция и прорисовка А. Макаренко [Смирнов, 1909, табл. СХІХ, 303]; 4, 6 – верхняя часть – округлодонный сосуд с фризом сфинксов; 5 – нижняя часть – подставка с фризом петухов; 8, 10 – развертки изображений нижней и верхней частей. [Фото и прорисовки Т.В. Рябковой].

Fig. 4. A silver vessel with a stand. Purchase in Maykop. The State Hermitage Museum, inv. nr. 2727/1. 1–3, 7 – photos before reconstruction, graphic reconstruction and drawing by A. Makarenko [Smirnov, 1909, Table СХІХ, 303]; 4, 6 – the upper part is a rounded-bottomed vessel with a frieze of sphinxes; 5 – the lower part is a stand with a frieze of roosters; 8, 10 – drawings of images of the lower and upper parts. [Photos and drawings by T.V. Ryabkova].

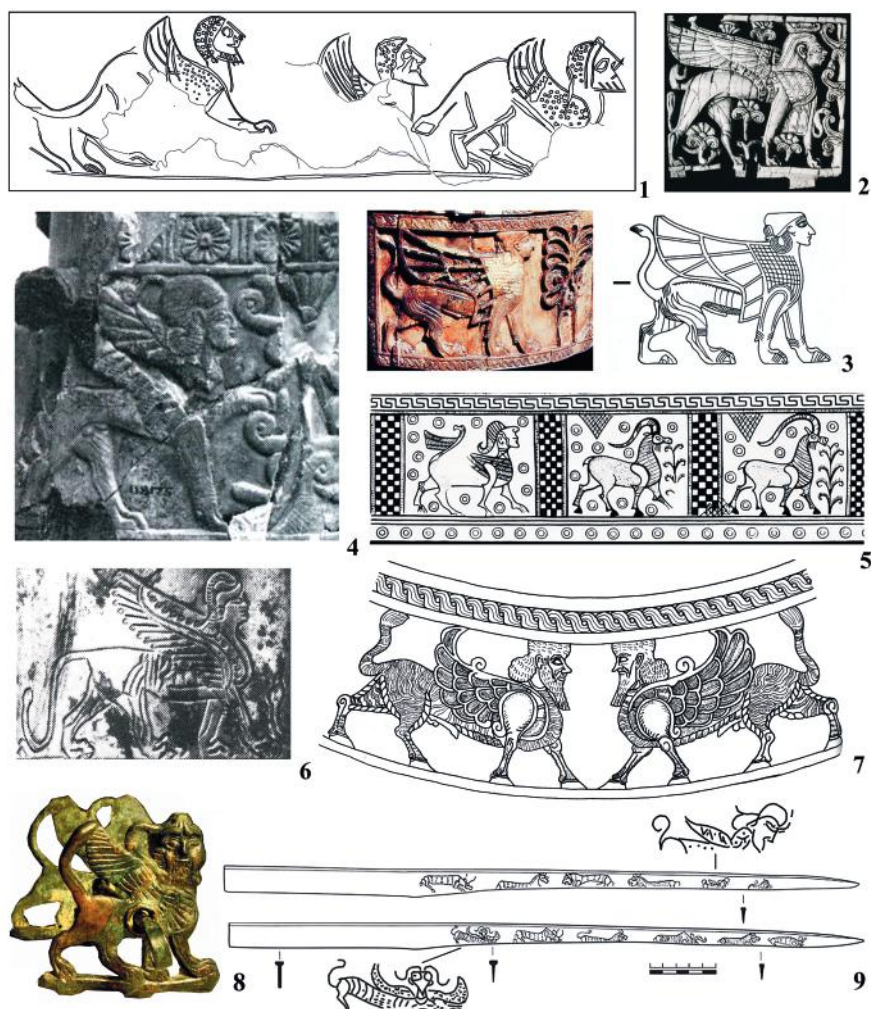

Рис. 5. Сфинксы в искусстве Древнего Востока и Малой Азии.

1 – фриз верхней части предмета. ГЭ, инв. № 2511/11 [прорисовка Т.В. Рябковой];
 2 – сиро-финикийская резная панель [Hermann, 2017, fig. 157]; 3, 4 – пиксиды, Северная Сирия:
 [Hermann, 2017, fig. 235; Winter, 1984, pl. XLIX, d]; 5 – прорисовка изображения на сосуде,
 Гордион, тумулус Р [Young, 1981, fig. 19]; 6 – декор сосуда, Урарту [Vanden Berghe, De Meyer, 1982,
 cat. 78]; 7 – декор сосуда, Ассирия, прорисовка [Muscarella, 1988, fig. 23]; 8 – удила с псалиями,
 Хамадан [Maxboubian, 1997, cat. 76]; 9 – культовые ножи из музея в г. Карс [Бессонова и др., 2018,
 рис. 6]. Масштаб изображений произвольный.

Fig. 5. Sphinxes in the art of the Ancient Near East and Asia Minor.

1 – frieze of the upper part of the object from The State Hermitage Museum, inv. nr. 2511/11 [drawing
 by T.V. Ryabkova]; 2 – Syro-Phoenician carved panel [Hermann, 2017, fig. 157]; 3, 4 – pyxids, Northern
 Syria: [Hermann, 2017, fig. 235; Winter, 1984, pl. XLIX, d]; 5 – drawing an image on a vessel, Gordion,
 tumulus P [Young, 1981, fig. 19]; 6 – vessel's decor, Urtu [Vanden Berghe, De Meyer, 1982, cat. 78];
 7 – vessel's decor, Assyria, drawing [Muscarella, 1988, fig. 23]; 8 – bit and cheekpieces, Hamadan
 [Maxboubian, 1997, sat. 76]; 9 – cult knives from the museum in Kars [Bessonova et al., 2018, fig. 6].
 (The scale of the images is arbitrary).

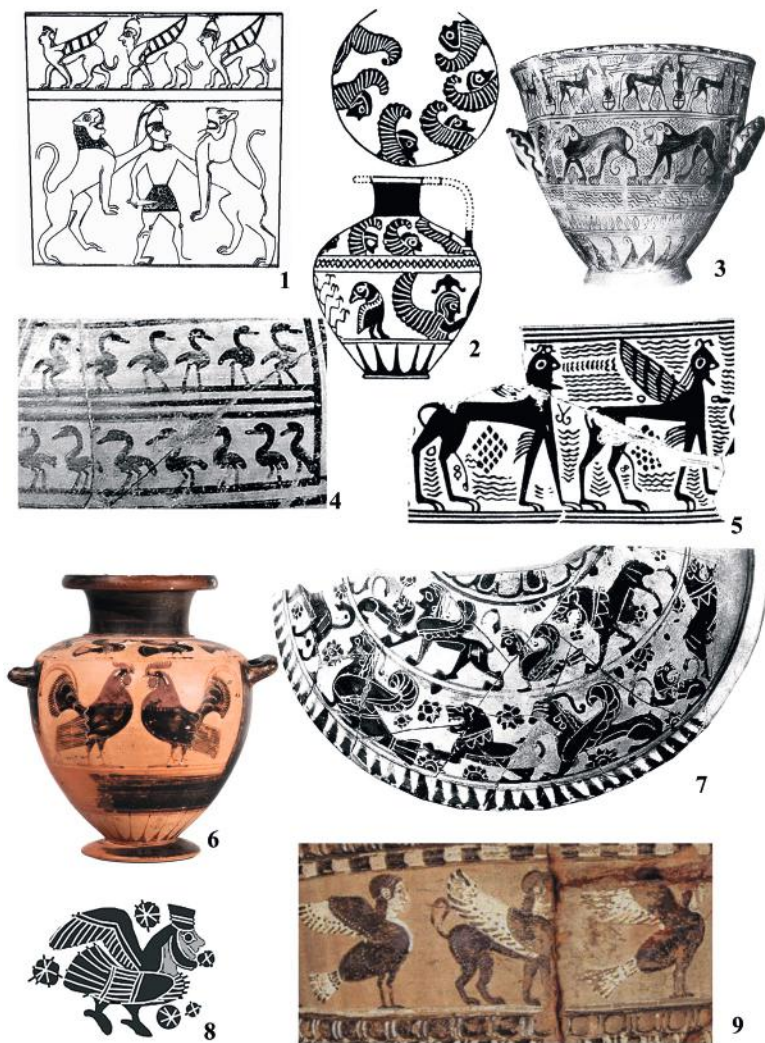

Рис. 6. Сфинксы и фризы в художественной традиции Эллады.

1 – Бронзовый колчан из Фортеццы [Boardman, 2011, fig. 24]; 2 – арибалл, Коринф [Boardman, 1998, cat. 175]; 3, 5 – роспись сосудов, Аттика [Boardman, 1998, cat. 190, 195]; 4 – фрагмент росписи кратера, Беотия [Букина, 2005, рис. на с. 20]; 6 – гидрия, Клазомены [Boardman, 1998, cat. 345]; 7 – крышка сосуда, Хиос [Boardman, 1998, cat. 315]; 8 – фрагмент росписи алабастра, Коринф [Букина, 2015, кат. 39]; 9 – декор глиняной подставки под сосуд, Клазомены: [Cevizoglu, 2018, fig. 3]. Масштаб изображений произвольный.

Fig. 6. Sphinxes and friezes in the Early Greek Vase Painting.

1 – A bronze quiver from Fortezza [Boardman, 2011, fig. 24]; 2 – arybal, Corinth [Boardman, 1998, cat. 175]; 3, 5 – painting of vessels, Attica [Boardman, 1998, sat. 190, 195]; 4 – fragment of painting of the crater, Boeotia [Bukina, 2005, fig. on p. 20]; 6 – hydria, Clazomena [Boardman, 1998, cat. 345]; 7 – vessel's lid, Chios [Boardman, 1998, cat. 315]; 8 – fragment of alabaster painting, Corinth [Bukina, 2015, cat. 39]; 9 – decor of a clay stand for a vessel, Clazomena: [Cevizoglu, 2018, fig. 3].

(The scale of the images is arbitrary).

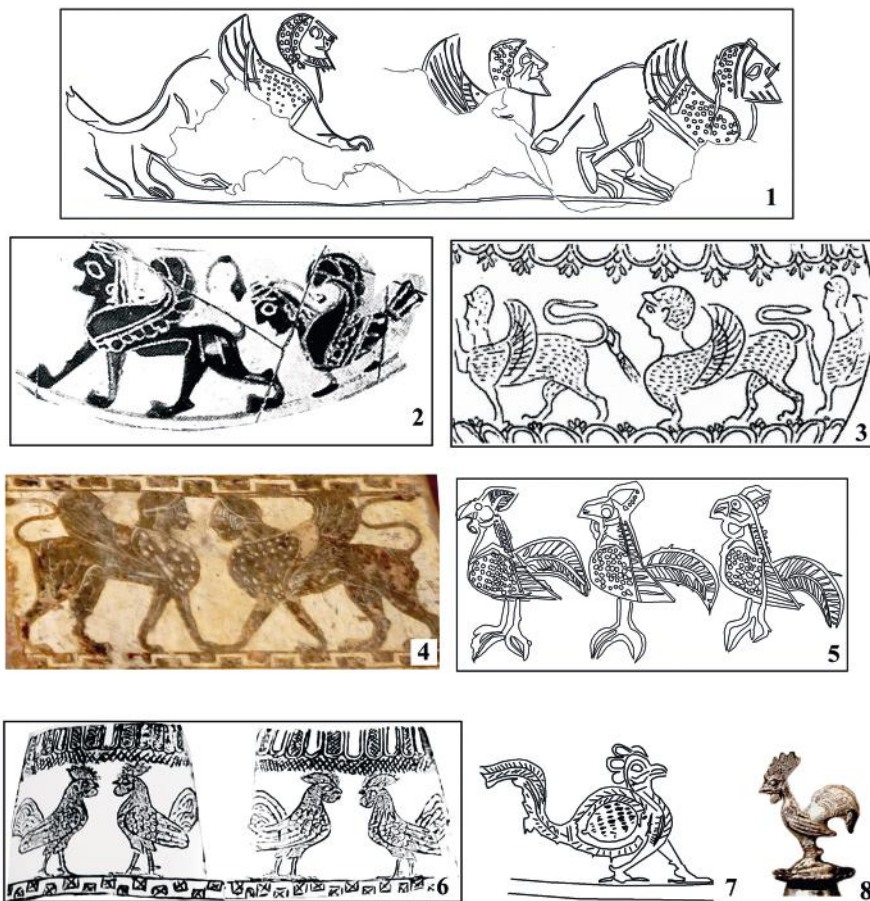

Рис. 7. Изображения сфинксов и петухов в вазописи и металлопластике Восточной Греции.
 1 – фриз верхней части предмета. ГЭ, инв. № 2511/11 [прорисовка Т.В. Рябковой]; 2 – крышка сосуда, Хиос (фрагмент) [Boardman, 1998, cat. 315]; 3 – фрагмент декора арибалла из Вани, погребение 11 (1969 г.) [Boardman, 2011, fig. 294]; 4 – фрагмент росписи саркофага, Клазомены [Археологический музей Измира, фото Т.В. Рябковой]; 5 – фриз нижней части предмета. ГЭ, инв. № 2511/12 [прорисовка Т.В. Рябковой]; 6 – декор верхней части алабастрона из Uşak [Özgen, 1996, cat. 78]; 7 – прорисовка изображения на бронзовом сосуде, Иран(?) [Muscarella, 1988, cat. 350]; 8 – петушок, верхняя часть курильницы, Восточная Греция

[The Metropolitan Museum of Art, 1987, cat. 28]. Масштаб изображений произвольный.

Fig. 7. Images of sphinxes and roosters in East Greek vase painting and toreutics.

1 – frieze of the upper part of the object from The State Hermitage Museum, inv. nr. 2511/11 [drawing by T.V. Ryabkova]; 2 – lid of the vessel, Chios (fragment) [Boardman, 1998, sat. 315]; 3 – a fragment of the decoration of ariballos from Vani, burial 11 (1969) [Boardman, 2011, fig. 294]; 4 – a fragment of the painting of the Clazomenian sarcophagus, [Izmir Archaeological Museum, photo by T.V. Ryabkova]; 5 – frieze of the lower part of the object from The State Hermitage Museum, inv. nr. 2511/11 [drawing by T.V. Ryabkova]; 6 – decoration of the upper part of alabastron from Uşak [Özgen, 1996, cat. 78];

7 – drawing an image on a bronze vessel, Iran(?) [Muscarella, 1988, cat. 350];

8 – cock, upper part of the incense burner, East Greek [The Metropolitan Museum of Art, 1987, cat. 28].

The scale of the images is arbitrary.

Рис. 8. Культовые сосуды Закавказья, Ирана, Малой Азии и Пелопоннеса.

1 – предмет ГЭ, инв. № 2511/11 [прорисовка Т.В. Рябковой]; 2 – арибалл, Вани, погребение 11 (1969 г.) [Лордкипанидзе, 1972, с. 210]; 3 – керамический котел и подставка, Этрурия, некрополь Пиццо-Пиеде [Assyria to Iberia, 2015, fig. 4, 15]; 4 – бронзовый сосуд, Иран (?) [Muscarella, 1988, cat. 350]; 5 – серебряная курильница, Восточная Греция [The Metropolitan Museum of Art, 1987, cat. 28]; 6 – маленький котел с круглыми ручками, Гордион, тумулус ММ [Young, 1981, pl. 58 H]; 7 – реконструкция бронзового котла из Олимпии [Boardman, 2011, fig. 46].

Fig. 8. Cult vessels of Transcaucasia, Iran, Asia Minor and Peloponnese.

1 – object from the State Hermitage Museum, inv. nr. 2511/11 [drawing by T.V. Ryabkova]; 2 – ariball, Vani, burial 11 (1969) [Lordkipanidze, 1972, p. 210]; 3 – ceramic cauldron and stand, Etruria, Pizzo Piede necropolis [Assyria to Iberia, 2015, fig. 4, 15]; 4 – bronze vessel, Iran (?) [Muscarella, 1988, cat. 350]; 5 – East Greek silver censer, [The Metropolitan Museum of Art, 1987, cat. 28]; 6 – small cauldron with round handles, Gordion, tumulus MM [Young, 1981, pl. 58 H]; 7 – reconstruction of a bronze cauldron from Olympia [Boardman, 2011, fig. 46].